

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Евгения Олеговича Третьякова

«Философия и поэтика четырех стихий в творческой системе Н.В. Гоголя»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Специальность 10.01.01 – русская литература

Характерное для целого ряда русских писателей-классиков (Гоголя, Тютчева, Толстого, Достоевского, символистов и др.) переживание недостаточности средств литературного письма в акте поэтического воспроизведения мира, тяготение художников этого типа к жизнестроительным поведенческим сценариям, в которых фикциональность текста проблематизирована истинностью события-жеста, нередко сопровождаются острым интересом к натурфилософской стороне словесного творчества. Миражи Петербурга и «клеящие листочки» Достоевского, охоты и аграрные будни Толстого, снеговая стихия Блока, «внешняя изобразительность» Бунина – все эти явления поэтики «подключают» семиотику текста к онтологии бытия, создают принципиальный для русской классики момент житнетворческого «выхода» словесной деятельности в пространство повседневности, что в историко-поэтическом отношении ориентирует национальную словесность на миф, а в социальном – легитимирует писательский труд как «пророческую» разновидность общественной деятельности. В рецензируемой диссертации ее автор, Е.О. Третьяков, предпринял попытку фронтального прочтения наследия Гоголя именно в этом аспекте: взяв за точку отсчета древние первоэлементы мироздания, он показал цепочки семиозиса, развертывающиеся в сознании Гоголя от этой до-знаковой первоосновы к словесным образам, деталям, мотивам и сюжетам. Такая аналитическая сосредоточенность исследователя позволила ему внести важный и существенно новый вклад в обширную традицию гоголеведения, найти в ней своё место, дополнить важными конкретными наблюдениями трактовки главных произведений Гоголя.

Актуальность избранного Е.О. Третьяковым подхода несомненна: новейшая наука о литературе демонстрирует стабильный интерес к проблематизации всякой «законченности» текста: мета- и интертекстуальным явлениям, соотношению повествования и истории, геокультурной онтологии, психологии восприятия и т.д. Аспект четырех стихий представляется в этом отношении вполне органичным именно гоголевской поэтике.

Концептуальным ядром работы служат несколько тезисов диссертанта. За каждой из стихий закрепляется смысловая доминанта, трансформации которой подлежат проверке, описанию и анализу. Взаимодействие стихий происходит в рамках фундаментального для Гоголя противопоставления «странствователя» и «домоседа». Проекция этой антитезы на взаимосвязь огня, воды, земли и воздуха позволяет увидеть, как справедливо отмечает Е.О. Третьяков, точку перехода онтологии в антропологию (С. 36). Особый интерес представляет тот факт, что у каждой из стихий есть пучок семиотических репрезентантов: например, *огонь* / *блеск*. Характерны также многочисленные примеры смешений первоэлементов: скажем *грязь* как *вода* и *земля*, *туман* (*вода* и *воздух*), а также идиоматические конструкции (*на свете*) – во всех таких примерах заметен момент создания образа. Здесь, впрочем, хотелось бы уточнить, всегда ли тот или иной знаковый «отблеск» первостихии со всей определенностью восходит именно к ней? Как кажется, словесный «лабиринт» прозы Гоголя позволяет говорить о немалом количестве сложных интертекстуальных наслоений, разнообразящих онтологическую основу образа тем, что когда-то в нашем литературоведении было названо «семантической поэтикой». Приведу несколько примеров. Так, словесная формула «скала веры» из «Тараса Бульбы» возводится Е.О. Третьяковым (С. 83) напрямую к космогонии как отделению тверди от воды. Однако в весьма близком Гоголю культурном ареале существовал написанный в первой пол. XVIII в. Стефаном Яворским текст под названием «Камень веры». Также отметим здесь, видимо, хорошо ощущавшуюся читателем Гоголя аллюзию на образ апостола Петра и всю символику, связанную с ним. Поэтому возможно, что «литературность» образа была как минимум не менее значима, чем его онтология. Другой пример такого рода – «ключ поэзии», формула, встречающаяся в «Выбранных местах...» (С. 273 диссертации). Представляется, что, как и в предыдущем случае, на пути от онтологии первостихии воды к этому гоголевскому образу лежит известный поэтический топос кастальского ключа, источника поэтического вдохновения. Вернемся в самое начало диссертации, где в весьма новаторском анализе «Ганца Кюхельгартена» соискатель уделяет специальное внимание параллелизму *вода* / *огонь*: «дождя источники горючи», «ее кручина давит, жжет, // Гробовый холод в ней течет» (С. 30-31). Нет ли здесь отголоска ломоносовских строк из хотинской оды: «Седая пена вокруг шумит // В пучине след его горит»? Эти же слова «в пучине след его горит» были введены Ломоносовым в характеристику Левиафана, описывающегося в «Оде, выбранной из Иова». Так что перед нами, в общем, довольно расхожий прием.

И тем не менее с уверенностью можно сказать, что семантика четырех стихий не просто подробно и тщательно исследована диссертантом – в восприятии читателя работы

она складывается в целостный «сюжет», претендующий на инвариантный статус по отношению к частным сюжетам гоголевской прозы. Так, Е.О. Третьяковым убедительно показаны роли огня, стихии, по-видимому, доминировавшей в натурфилософском сознании Гоголя. Спектр ее ролей и значений необычайно широк. Это и общая идея трансформации, и конкретика inferнальных знаков адского пламени. Одна из мотивных репрезентаций огня, раз за разом возникающая на страницах исследования, проанализирована особенно удачно. Речь идет о семантическом комплексе «блистания», который выразился в образах панночки, полячки, а также прекрасной женщины из Рима. Типологизация как кодировка героя «природным» продемонстрирована здесь Е.О. Третьяковым весьма наглядно. Вместе с тем, в ряде случаев, как мне показалось, диссертант увлекается истолкованием, соскальзывая в область гиперинтерпретации. Скажем, не совсем понятно, почему курение люльки в «Вие» обязательно означает «огонь телесный», который «предвосхищает тотальную победу чудовищного эроса, также лишённого всяческих проявлений любви, заменённой страхом и плотским влечением» (С. 86). Мне кажется, что обращение соискателя к хорошо изученной этнографами и фольклористами истории курения, питья чая и кофе, винокурения (лексическое совпадение показательно) прояснило бы отношение народной (в частности – старообрядческой) культуры к этим «огненным» телесным практикам, распространившимся в России как раз в период кризиса традиционалистской картины мира. Любопытна была бы также и проекция люльки из «Вия» на казацкую люльку из «Тараса Бульбы». В порядке предположения заметим, что пристрастие к табаку, весьма вероятно, маркирует героя границы, стоящего в мифопоэтическом отношении на рубеже двух миров. Укажем на отдаленную в этом смысле параллель в виде постоянно курящего тургеневского Базарова.

Замечательны комментарии Е.О. Третьякова к преобладающей в «Тарасе Бульбе» «земной» теме. Хтонические смыслы образа переплетены здесь с национальной символикой Русской земли. Ярким наблюдением предстает взаимодействие с землею воздуха, куда уносятся души товарищей Тараса. Обращение к казацкой книжности и фольклору, конечно, необязательно в контексте данной темы, однако у классика этого рода словесности, Семена Ремезова, автора «Истории Сибирской» конца XVII в., встречается совершенно идентичный мотив: убитые татарами Кучума казаки графически изображены прямо с коней отправляющимися в небо, в то время как их враги – под землю в ад. Снова культурно-религиозный субстрат образа оказывается звеном-посредником, соединяющим онтологию с характерологией.

С концептом *воды* диссертант связывает прото-экзистенциальные открытия Гоголя. Материалом главы стали, в частности, «Арабески», при анализе которых весьма наглядно раскрыта циклообразующая роль первостихий. Также естественным предстает преобладание «водных» мотивов в поэтике «Невского проспекта», одного из классических фрагментов «петербургского текста» русской литературы. Мне показалось, однако, что заключение Е.О. Третьякова о пробуждении *личного начала* в герое повести «Шинель» при всей его принципиальной справедливости все-таки немного категорично и скорее уместно в отношении «Бедных людей» Достоевского, продолжившего и развившего эти гоголевские решения.

Тема земли почти целиком спроецирована соискателем на поэму «Мертвые души». Впрочем, универсальная смысловая природа поэмы позволяет диссертанту говорить об интенсификации каждой из стихий – в их лиминальной ипостаси. Так, в частности, активизируется тематика огня, разворачивающаяся перед читателем целой чередой образных воплощений: от знаменитого фрака с искрой и свечи до картин, насыщенных ярким светом и блистанием. В этом отношении центральным образом, к которому дважды обращается Е.О. Третьяков, предсказуемо становится образ России из 11-й главы поэмы (С. 213; 243-244). Мне неизвестно, входит ли в мейнстрим гоголеведения статья М.Н. Эпштейна «Ирония стиля: демоническое в образе России у Гоголя»¹, но ряд содержащихся в ней наблюдений, полагаю, мог быть учтен соискателем.

Наконец, в последней главе, посвященной теме *воздуха*, диссертантом рассматривается духовная система координат Гоголя-автора «Выбранных мест из переписки с друзьями». К этому разделу, рельефно отразившему субстанциональные свойства *духа* и *света* в утопическом проекте позднего Гоголя, у меня нет никаких замечаний: дополняя анализ специальным экскурсом в тему *воздуха*, глава удачно подытоживает историю «стихийного» дискурса великого художника.

Оканчивая свой отзыв, отмечу, что наблюдения диссертанта отличаются достоверностью, т.к. во всех случаях автор основывает их на значительном фундаменте эмпирического материала, как правило, давая своему читателю статистические выкладки частотности употребления того или иного базового концепта. Сформированный соискателем методологический инструментарий также вполне корректен и не дает сбоев в ходе анализа. В свете всего сказанного выше я могу резюмировать, что диссертация «Философия и поэтика четырех стихий в творческой системе Н.В. Гоголя» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение важной задачи, связанной с

¹ Эпштейн М.Н. Ирония стиля: демоническое в образе России у Гоголя // Новое лит. обозрение. 1996. № 19. С. 129-147.

пониманием онтологических первооснов гоголевской картины мира, задачи, имеющей существенное значение для развития ряда научных направлений в рамках литературоведения (семиотики художественного текста, мифопоэтики, исторической поэтики). С уверенностью могу заключить, что работа соответствует требованиям, изложенным в пункте 9 действующего «Положения о присуждении ученых степеней», а ее автор, Евгений Олегович Третьяков, заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

28 мая 2014 г.

Доктор филологических наук,
доцент, проф. кафедры русской
и зарубежной литературы ФГАОУ ВПО
«Сибирский федеральный университет»

К.В. Анисимов

